

Уроки политической истории

政治历史课

Examples of Political History

УДК 327.5(73+510)

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(2).110-118

Американо-китайское противостояние с позиций «ловушки Фукидида»**А.В. Шалак**

Байкальский государственный
университет, г. Иркутск,
Российская Федерация

Дата поступления:

03.06.2021

Дата принятия к печати:

30.08.2021

Дата онлайн-размещения:

27.09.2021

从“修昔底德陷阱”的角度分析中美对抗**A.V. Shalak**

贝加尔国立大学,
伊尔库茨克市, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2021年3月6日

出版日期: 2021年8月30日

网上出版日期: 2021年9月27日

Аннотация. Война является неизбежным спутником человеческой истории. Поэтому с научной точки зрения, а также практически-прикладной актуальной проблемой продолжает оставаться выявление фундаментальных причин, порождающих данное явление. Наряду с классовым и геополитическим подходом к объяснению причин крупнейших военных конфликтов, в современной политической литературе предпринимается попытка обоснования нового исследовательского метода. Целью данной статьи является оценка метода, получившего название «ловушка Фукидида», его трансформирование в современной практике американо-китайского противостояния.

Ключевые слова. «Ловушка Фукидида», стратегия, американо-китайская конфронтация.

摘要: 人类历史发展中战争不可避免。因此,从科学的角度来看,研究这种现象存在的根本因素仍是现实迫切的问题。与用阶级和地缘政治方法解释重大军事冲突原因的方法一样,在现代政治文献中正尝试新的研究方法。本文旨在评估“修昔底德陷阱”方法,以及其在美中对抗现代实践中的转变。

关键词: “修昔底德的陷阱”、战略、中美对抗。

American-Chinese Confrontation from the Perspective of Thucydides Trap**A.V. Shalak**

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2021 June 3

Accepted: 2021 August 30

Available online: 2021 September 27

Abstract. War is an inevitable companion of human history. Therefore, from a scientific point of view, as well as from a practical and applied point of view, the identification of the fundamental causes that give rise to this phenomenon continues to be an urgent problem. It was made an attempt to explain a new research method along with class and geopolitical approach assigning reasons of great military conflicts. The purpose of this article is to evaluate the method called the Thucy-

dides trap. The object of the study is the deterrence strategies used by the main actors of world politics. The subject of the study is the modification of the Thucydides trap in relation to the US-China confrontation.

Keywords. Thucydides trap, strategy, American-Chinese confrontation.

Методология исследования

Причины как малых, так и больших войн по-прежнему трактуются по-разному. Долгие годы в отечественной научной литературе признавался только классовый подход. В соответствии с ним, основная вина за развязывание современных войн возлагалась на наиболее агрессивные империалистические страны. Государство и политики выражали интересы экономически господствующих классов и, используя насилие во внешней политике, обеспечивали им получение еще большей выгоды.

В настоящее время все большую популярность набирает геополитический подход. Согласно ему, в постколумбовую эпоху (рубеж XIX–XX вв.) начинается качественно новый этап глобализации, связанный с завершением раздела суши и установления полного контроля над земной поверхностью. В итоге резко обостряется борьба между государствами за доступ к ресурсам планеты [1]. Эта борьба может осуществляться в разных формах, но именно дефицит ресурсов в рамках потребительской парадигмы развития и популистской демократии вынуждает государства на подобные действия.

В последнее время, благодаря усилиям ряда американских политологов, предпринимается попытка отойти от традиционных подходов и во многом по-новому сформулировать причины конфронтации между большими государствами. Впервые данное объяснение прозвучало в работе Фукидида «История Пелопонесской войны» две с половиной тысячи лет назад [2]. Суть его размышлений сводилась к тому, что возвышение новой силы, способной вытеснить традиционную, обуславливает резкую конфронтацию между ними. Структурные изменения, выводящие на вершину могущества новое государство, порождают катастрофические в истории человечества войны. В исследуемом им примере, возвышение Афин и страх, который это возвышение внушало Спарте, делали войну между ними неизбежной. Причем размышления Фукидида больше сводятся к тому, что не само содержание этих структурных изменений, а именно страх перед новой силой ведет к нара-

щиванию конфронтации. Если следовать данной концепции, причины подобных обострений нужно искать прежде всего в области политической и социальной психологии. Однако, вряд ли сам древнегреческий историк претендовал на какой-либо обобщающий подход применительно к современности, когда писал в своей работе о возвышении Афин и реакции на это Спарты.

Позиция Фукидида нашла отражение в политологической литературе послевоенного периода, хотя и без ссылок на «Историю Пелопонесской войны». Прежде всего это имеет отношение к работам по вопросам национальной безопасности. В частности, это отмечал Дж. Герц в исследовании «Идеалистический интернационализм и дилемма безопасности» еще в 1950 г. В ней он отмечает, что действия государства, направленные на повышение собственной защищенности, как правило, вызывали тревогу у других государств, что и стимулировало рост международной напряженности. [3]

Позднее с этих же позиций анализировал проблему безопасности американский политолог Р. Джервис. Он обратил внимание, что усилия по разработке новых технологий могут дать односторонние преимущества государству в области обеспечения собственной безопасности. Причем, с его точки зрения, не имеет значения, являются эти технологии оборонительными или наступательными, тем более что какой-то резкой границы между ними провести невозможно. В любом случае, это рассматривается другими государствами как угроза [4].

Разногласия между американскими исследователями по этому вопросу касаются отдельных аспектов. В частности, с точки зрения К. Либера начало войны провоцирует не изменение соотношения между наступательными и оборонительными вооружениями, а изменение общего баланса сил между государствами [5]. В целом же, данные подходы укладывались в позиции американской школы политического реализма, в рамках которой была сформулирована так называемая концепция «сдерживания».

При этом следует отметить, что в условиях цифровой информационной среды ситуация в

области безопасности принципиально меняется. Причины этого не только в отличии информационных цифровых технологий от всех иных, но и в высокой роли в кибернетическом пространстве негосударственных акторов. Поэтому в публикациях, отражающих данные аспекты, обращается внимание на то, что в новых условиях применение стратегии сдерживания становится невозможным, конфликты способна предотвратить только совместная разработка норм ответственного поведения с участием негосударственных участников [6, с. 51, 61].

Но именно описанный Фукидидом классический пример лег в основу гарвардского проекта А. Грэхэма [7]. Автор постарался пролонгировать описанный древнегреческим историком пример на подобные ситуации за последние пять веков, назвав их «ловушкой Фукидида». За последние 500 лет он насчитал 16 случаев, когда крепущая сила пыталась сместить доминирующую, и в 12 случаях это привело к войне [там же, с. 8].

Целью данной статьи является оценка применяемого А. Грэхэмом метода применительно к современной практике американо-китайского противостояния. Авторская гипотеза заключается в утверждении, что данный метод невозможно пролонгировать на все крупнейшие конфликты современности, как и невозможно объяснить современное противостояние Китая и США.

«Ловушка Фукидида» на примере Британской империи

Наиболее убедительно данный подход удаётся изложить на примере страхов, которые провоцировали Первую мировую войну. Тогда в «ловушку Фукидида» попала Британская империя, испытывавшая страх перед ростом германского могущества. Необходимость владения морями не подвергалась Великобританией сомнению на протяжении четырех столетий. Долгосрочная стратегия требовала от Англии всячески препятствовать появлению какого-либо государства гегемона в Западной Европе, пытавшегося изменить баланса сил.

Британия в этот период являлась основной мировой и морской державой, но ее беспокоили усилия России, Франции, Германии и США по наращиванию экономической и военно-морской мощи. Особую активность на этом поприще проявляла Германия, которая могла усилиться только за счет заморских владений Британии. «Ловушка Фукидида» заключалась в том, что возвышение Германии провоцировало страхи Британии, а Берлин усматривал реальную угрозу в возвыше-

нии России, которая претендовала на то, чтобы стать ведущей державой Европы. В 1913 г. Россия обнародовала свою программу перевооружения, по итогам выполнения которой к 1917 г. соотношение численности российской и германской армии должно было составить 3:1. Одним словом, если следовать логике Фукидида, то именно страх ведущих государств потерять силу спровоцировал начало Первой мировой войны.

Пожалуй, только в этой части изложения внешнеполитической борьбы, завершившейся развязыванием мировой войны, достаточно последовательно можно опираться на предлагаемый подход. В какой-то степени данный подход более или менее осмысленно изложен в работе А. Грэхэма лишь применительно к противостоянию СССР и США в годы «холодной войны». Стремление же автора подвести новый подход под анализ современного американо-китайского противостояния, по большому счету, не выдерживает критики. Вместо анализа структурных проблем, которые влекут за собой рост конфронтации и связанных с этим страхов, автор анализирует американо-китайские противоречия и способы их решения в традиционной для американской школы политического реализма манере. При ближайшем рассмотрении оказывается, что «ловушка Фукидида» — это не анализ страхов, вытекающих из структурных изменений в положении крупных государств и провоцирующих их на конфронтационные действия, а стремление крупных государств к доминированию, которое возможно осуществить, только опираясь на силу. Не случайно поэтому свои суждения он подкрепляет рассуждениями Т. Рузвельта, утверждавшего, что национальное величие зиждется на двух императивах: на установлении цивилизованного сообщества внутри страны и на способности обеспечить величие государства за счет превосходящей армии, а не за счет какого-то договора, составленного «ловкими юристами» [7, с. 120]. Американцам для наращивания силы требовался мощный ВМФ и контроль за коммуникациями в западном полушарии. И эти проблемы они решали эффективно и последовательно, руководствовались геополитической логикой, а не страхами перед растущим могуществом других государств. Не случайно Т. Рузвельт после того, как он покинул Белый Дом, высказался вполне определенно: «Если мне придется выбирать между политикой крови и железа и той, которая за молоко и воду, я выберу кровь и железо. Она лучше не только для государства, но и для мира в длительной перспективе» [там же, с. 134].

Есть ли «ловушка Фукидида» в американо-китайском противостоянии?

Современное противостояние США и Китая, которое пока ограничивается торговыми войнами и информационной конфронтацией, является активно обсуждаемой темой.

Оба государства стремятся быть великими, и это порождает внешне сложную ткань взаимоотношений между ними. Однако, с точки зрения А. Грэхэма, мечта Си Цзиньпина вновь сделать Китай великим сводится к его стремлению вернуть былое могущество в Азии. То есть классическая китайская внешняя политика в данном изложении не стремится к глобальному доминированию.

Однако вряд ли стратегия Китая, направленная на рост регионального влияния, могла вызвать столь серьезное противодействие со стороны США. Борьба между США и Китаем приобретает глобальный характер по причине динамизма экономического развития «Поднебесной». Если после Второй мировой войны доля США составляла 50 % мирового экономического рынка, то к 2020 г. составляла уже только 16 %. Китай же, начав свой старт с 2 % объемов мировой экономики в 1980 г., довел этот показатель до 18 % в 2016 г., а к 2040 г. его доля составит 30 %. Китай является крупнейшим в мире производителем автомобилей, кораблей, стали, алюминия, мебели, одежды, текстиля, сотовых телефонов, компьютеров и др. Он и крупнейший покупатель автомобилей. Он импортирует больше нефти, потребляет больше электроэнергии, добывает большее количество солнечной энергии. При этом он главный драйвер глобального экономического роста, обеспечивая 40 % мирового прироста.

Китай обогнал США в рейтинге стран с наиболее обширной сетью автодорог почти на 50 %. За минувшее десятилетие Китай построил самую длинную в мире (12 тыс. миль) высокоскоростную железнодорожную сеть, по которой поезда разгоняются до 180 миль в час. У современного Китая таких дорог больше, чем у всего мира, вместе взятого. В 2009 г. Китай опередил США и стал крупнейшим потребителем энерго-ресурсов мира. При этом еще в начале XXI в. потребление в Китае составляло лишь 50 % от уровня США [8, с. 118]. В 2017 г. Китай вышел на первое место в мире по валовому импорту сырой нефти [9, с. 26].

Самое важное, Китай совершает прорывные технологии в области информационных техно-

логий. С июня 2013 г. самый быстрый в мире супер компьютер располагается в Китае. Если в рейтинге 500 наиболее быстродействующих компьютеров в 2001 г. Китай отсутствовал, то в настоящее время Китай занимает сразу 167 место, что на два больше США. Лучший китайский суперкомпьютер в пятеро быстрее ближайшего американского конкурента. При этом с 2016 г. китайские компьютеры работают сугубо на местных процессорах [7, с. 39].

Возвышение Китая оказалось таким стремительным, и в тоже время не особо афишируемым в повестке мировых СМИ, что ему еще только предстоит изумиться. И это имеет отношение прежде всего к США. Именно поэтому попытка автора экстраполировать «ловушки Фукидида» на современные отношения Китая и США с этих позиций вызывает большие сомнения. Создается впечатление, что США «ловушку Фукидида» не просто не осознают, они ее «проскочили» на созданной им волне собственного величия и, соответственно, не испытывают фундаментального страха.

США пока еще сильны, имеется геополитически действующая элита, несмотря на все ее внутренние противоречия, мощнейшие научно-технические заделы. Но при этом возникают вопросы относительно стратегии американского государства по сдерживанию Китая.

Китай действует последовательно и очень обдуманно, чтобы избежать последствий распада СССР. Главный императив Си Цзиньпина — легитимация сильной партии. То есть нынешнее поколение китайских руководителей твердо уверены, что наращивание силы требует не горбачевской гласности и «открытости идеям», а идеологического единства и контроля за политическим дискурсом. Конечно, решить эту проблему в условиях современной информационной революции будет совсем не просто. Но Китай в этой области работает последовательно, оставляя все меньше шансов тем, кто надеется на утерю им контроля за своим информационным и политическим пространством. По оценкам аналитиков, уже к 2013 г. из шести наиболее крупных интернет компаний четыре базировались в США, а две в Китае [10, с. 43].

Важнейшим звеном в китайских преобразованиях и базой их успешного развития является оживление партии, очищение ее от коррупции, повышение авторитета в глазах народа. В отличие от Дэн Сяопина, который склонялся к приоритету государственной бюрократии перед

партийной, Си Цзиньпин действует с точностью наоборот. Своевременно чинить государственный аппарат, контролировать его и направлять на эффективное решение формулируемых задач можно будет только в одном случае: если в руках правящей группы будет отобилизованная, дорожащая честью партийного мундира политическая сила.

Второй важнейшей составляющей китайской стратегии является возрождение китайского национализма и патриотизма в конфуцианском истолковании. Си Цзиньпин создает партию как хранительницу китайской цивилизации. Этим подходом обосновывается легитимность КПК в качестве преемницы китайской культуры, а также «китайский социализм». Именно поэтому в современном Китае чиновники посещают курсы, на которых изучают не марксизм, а китайскую философию. Национальная гордость и международная репутация в современном Китае оцениваются важнее политических свобод.

Третий компонент китайской стратегии - реорганизация китайской армии, чтобы она «могла сражаться и побеждать». Еще на XVIII съезде КПК открыто было заявлено что уважение можно приобрести только через силу. «Те, кто отстают, всегда становятся «мальчиками для битья»; только развиваясь, можно укрепить свои силы» [11, с. 6].

Все остальное на внешнем фронте Китай готов достигать с опорой на экономические инструменты: от торговой и инвестиционной политики, экономической помощи, до санкций и кибератак. Китай прекрасно ориентируется в геоэкономике, и опирается на нее во внешней политике. В настоящее время он является крупнейшим торговым партнером практически всех стран, осуществляющих активную внешнеторговую деятельность. Игнорировать данный инструмент влияния на баланс сил в мировой политике невозможно. При этом китайское руководство будет всячески избегать прямого военного столкновения, поскольку крупномасштабный конфликт больше всего отразится на экспортно-ориентированной экономике Китая. Нужно также учитывать, что отрицание физического насилия глубоко укоренилось и в конфуцианском учении, что не отрицается и западными стратегами. Г. Киссинджер, который напрямую общался с китайскими руководителями и знал историю китайской внешней политики, отмечал, что «стремление Китая возвышаться над своим географическим окружением... не обязательно подразумевает враждебные отношения с соседними народами... Он никогда не разделял свойственный американ-

цам универсализм и желание распространить свои ценности по всему миру» [12].

Для китайских стратегов война есть прежде всего состояние психологическое и политическое, военная кампания видится второстепенной задачей. Как отмечают многие исследователи, Китай свою мощь направляет не на подавление, а стремится использовать свое доминирование для налаживания вполне гармоничного сотрудничества с соседями, предпочитая вести переговоры с более слабыми государствами [13]. Но при этом Китай демонстрирует, что его никому не запугать, пусть даже противники способны стереть его с лица земли. Тот же Г. Киссинджер это хорошо осознавал после близкого знакомства с китайской элитой. В частности, он отмечал, что «...китайцы были хладнокровными практиками в проведении силовой политики, совсем не похожие на романтиков-филантропов... китайцы пойдут на конфронтацию с такой же решимостью и практичностью, с какой они осуществляли сотрудничество, когда это отвечало их интересам» [14, с. 797].

Китай по темпам развития втрое опережает США и предлагает такие глобальные проекты, на которые никто в мире не способен. В 2013 г. Китай создает Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, в который вступили более полусотни государств, в том числе и ближайшие союзники США. Китай инвестирует создание инфраструктуры «нового шелкового пути», призванного связать 65 стран Азии, Европы и Северной Африки с общим населением более 4 млрд чел. Данный проект многократно превосходит американский план Маршалла, с помощью которого США поставил под свой контроль страны Западной Европы и Японию. В орбиту экономического влияния Китая будут втянуты Япония, Южная Корея и Россия. Например, много говорится сегодня об новом этапе «российского освоения» Арктики. Но кто ее осваивает? В проект «Ямал СПГ», который стартовал в конце 2017 г. Китай вложил 19 млрд долл. (63 % от общих капиталовложений). Из 142 огромных модулей 120 строит Китай. Китайская сторона отвечает за выпуск 7 из 30 судов для перевозки необходимого оборудования и продукции, отвечают за 14 из 15 судов газозовов [15, с. 47]. И подобных примеров огромное количество.

На содержание современных подходов китайского руководства к выработке приоритетов на будущее наслаиваются и оказывают чрезвычайно важное значение цивилизационные различия между двумя державами. Ориентация

Китая на ценности власти, иерархии, подчиненности личных прав и интересов, важность консенсуса, нежелательность конфронтации, верховенства государства над обществом и общества над личностью обладают большим потенциалом, в сравнении с американской либеральной системой ценностей («свобода, равенство, демократия, индивидуализм, правовое государство, конкуренция, права человека»). В современных условиях это работает на усиление мобилизационного потенциала Китая.

Китайцы и мыслят принципиально иначе, у них иные временные масштабы. Они оценивают эволюцию своего государства в веках, тысячелетиях, отдают предпочтения долгосрочным целям. США в настоящее время более склонны концентрироваться на сиюминутных целях. К этому следует добавить, что американская политическая система основана на недоверии к государству и разделении властей, популистской демократии, а Китай намерен добиваться мира и процветания с опорой на сильный центр и ответственное компетентное правительство. Значение данных цивилизационных различий в американо-китайском соперничестве будет только нарастать.

Что способно противопоставить этой мобилизационной силе США? Американская концепция международного порядка основывается прежде всего на военном превосходстве, которое невозможно игнорировать. Одновременно США пытаются использовать свое информационное превосходство, предпочитая действовать в формате «цветных революций», то есть организовать кибер-войну против КПК, как против СССР, распространять порочащие сведения о злоупотреблениях коммунистов, поощрять деятельность диссидентских групп, поддерживать китайских сепаратистов. В этом смысле, американская внешняя политика двойных, тройных стандартов на протяжении последнего столетия продолжает оставаться неизменной. О. Стоун, анализируя политику американского государства еще при президенте Вильсоне в 1920-е гг., отмечал, что США, «поддерживая право на самоопределение, неоднократно вмешивались во внутренние дела других стран... Поддерживая идею общечеловеческого братства считали всех небелых низшими расами... Превозносили демократию и верховенство закона, но смотрели сквозь пальцы на вопиющее попрание основных прав и свобод граждан» [16, с. 96].

При этом США будут делать все возможное, чтобы ограничить доступ Китая к ресурсам. И

это наиболее уязвимое место в положении Китая: территория Китая по запасам воды (с учетом среднемировых норм), пахотным землям, минеральным ресурсам не способно обеспечить не только индустриальный рост, но и снабжение собственного населения по рационально обоснованным нормам [17, с. 44]. Именно поэтому Китай заинтересован в стратегическом сотрудничестве с Россией, поскольку Россия способна не только расширить ресурсную основу развития Китая, но выполнять роль защитного санитарного кордона от прямой экспансии США. В этом смысле ориентация на стратегический союз Китая с Россией имеет объективные основания, что только усиливает шансы КНР в противостоянии с США.

Разобщая Китай на его территории и заставляя сосредотачиваться на внутренней стабильности, США стремятся существенно снизить риски возвышения Китая и утраты своего доминирования в мире. Возможности США на этом поприще нельзя недооценивать, но эта традиционная американская стратегия, к которой Китай, да и весь остальной мир уже сумел приспособиться. Китай в XXI в. создал систему органов для представления своей точки зрения на важнейшие международные процессы за рубежом. Центральное телевидение Китая (ССТV) целый ряд каналов сделало международными. В частности, организованно вещание на английском, французском, арабском, испанском языках, еще в 2009 г. был запущен канал на русском языке. Создали институт Конфуция (2004 г.), который занимается распространением китайского языка и культуры. Его отделения действуют в более чем 100 странах [18, с. 8–11].

Выводы

Отсутствие креатива в американской внешней политике, внутри-элитные противоречия, непростая внутривнутриполитическая ситуация не позволяют США эффективно противостоять нарастающей китайской мощи. В «Истории Пелопонесской войны» Фукидид вполне обосновано, если не пророчески, применительно к современной ситуации писал: «Как в искусствах, так и в политике новое неизбежно должно возобладать над старым. В спокойные времена лучше всего не изменять существующих порядков и обычаев. Но когда при изменившихся обстоятельствах неизбежно возникает и много новых задач, тогда требуются и многие преобразования» [2]. США с подобными преобразованиями явно запоздали.

Возвышение Китая оказалось стремительным, и в тоже время не особо афишируемым в повестке мировых СМИ. Китайцы обыграли США психологически: они их сумели не испугать. С начала реформ Китай следовал стратегии «28 иероглифов» Дэн Сяопина. Основными идеями данной формулы являлись стремление избегать лидирующей роли при решении мировых проблем, накапливать силы и создавать условия для своего развития, не ввязываясь в конфликты, пока соотношение сил не изменится. «Мировое лидерство», с которым США отождествляли себя, являлось запретной темой для Китая.

Создается впечатление, что США «ловушку Фукидида «проскочили» на созданной им волне собственного величия и, соответственно, не испытывают фундаментального страха. Они только сейчас начинают ее осознавать, но время работает не в их пользу.

Китай переиграл США и стратегически. Стратегия, основанная на долговременном планировании в условиях потребительской парадигмы развития и популистской демократии возможна только в чрезвычайных обстоятельствах. Поэтому она имела место в США во времена президентства Ф. Рузвельта и заключалась в том, чтобы вывести страну из глубочайшего кризиса, а затем оказаться среди стран победителей по итогам Второй мировой войны. Во времена холодной войны американская стратегия вытекала из противостояния с главным врагом в лице СССР. В постсоветский период США почивали на лаврах мирового лидера демократических и полудемократических стран, выдвигали бесконеч-

ное количество инициатив, но не ощущали фундаментальных угроз, способных поколебать их лидерство, и не сумели повести страну к определенной долгосрочной цели. Заявляя о своем лидерстве, американская элита не говорила, куда и к чему она ведет страну. В отличие от Китая, который отдавал предпочтение долгосрочным целям, США в постсоветский период концентрировался на сиюминутных целях. Более того, у нынешней американской администрации не просматривается желание адекватно реагировать на изменения, происходящие в мире. Здесь сложно не согласиться с Р. Хаасом, главой американского Совета по международным отношениям — негласного «мозгового центра», оказывающего огромное влияние на внешнюю политику США. С его точки зрения огромное значение имеют принципы, на основе которых разрабатывается и реализуется внешняя политика. Но формализация внешней политики окончательно вышла из моды еще при администрации Обамы. «Импulsiveвность, — пишет Р. Хаас, — сделалась основным методом действий современной американской администрации» [19, с. 173–174].

Все вышесказанное позволяет утверждать, что современный Китай поставил диагноз и написал стратегию на свои будущие действия. А это является огромным преимуществом: чем четче лидеры определяют фундаментальные тенденции, тем успешнее они формулируют возможные действия. Именно в силу этих обстоятельств США придется удалиться в западное полушарие, чтобы перегруппировать свои силы и выступать только как один из центров мировой политики.

Список использованной литературы

1. Сулима Е. Геоистория как парадигма осмысления международных отношений / Е. Сулима, М. Шепелев. — DOI 10.17994/IT.2018.16.2.53.3 // Международные процессы. — 2018. — Т. 16, № 2 (53). — С. 49–59.
2. Фукидид. История Пелопоннесской войны : в 8 кн. / Фукидид ; пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. — Москва : А.Г. Кузнецов, 1887-1888. — Кн. 1. — URL: https://librebook.me/history_of_the_peloponnesian_war/vol1/1.
3. Herz J.H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma / J.H. Herz // World Politics. — 1950. — Vol. 2, iss. 2. — P. 157–180.
4. Jervis R. Cooperation under the Security Dilemma / R. Jervis // World Politics. — 1978. — Vol. 30, no. 2. — P. 167–214.
5. Lieber K.A. War and the Engineers: The Primacy of Politics over Technology / K.A. Lieber. — Ithaca : Cornell Univ. Press, 2005. — 226 p.
6. Зиновьева Е.С. Киберсдерживание и цифровая дилемма безопасности в американском экспертном дискурсе / Е.С. Зиновьева. — DOI 10.17994/IT.2019.17.3.58.4 // Международные процессы. — 2019. — Т. 17, № 3 (58). — С. 51–65.
7. Аллисон Г. Обречены воевать / Г. Аллисон ; пер. с англ. В. Желнинова. — Москва : АСТ, 2019. — 416 с.
8. Скрыбина Н.С. Перспективы «сланцевой революции» и проблемы энергетики Китая / Н.С. Скрыбина // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1 (28). — С. 118–124.

9. Мастепанов А. Китай диктует энергетическую политику XXI в. / А. Мастепанов, И. Томберг. — DOI 10.17994/IT.2018.16.3.54.1 // Международные процессы. — 2018. — Т. 16, № 3 (54). — С. 6–38.
10. Зиновьева Е.С. Воздействие компаний интернет-индустрии на мировую политику / Е.С. Зиновьева // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1 (28). — С. 43–47.
11. Китайская мечта и мир: XVIII Всекитайский съезд КПК / под ред. Х. Хуагуана, Л. Цзяньчжана. — Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках, 2013. — 427 с.
12. Киссинджер Г. О Китае / Г. Киссинджер ; пер. с англ. В.Н. Верченко. — Москва : АСТ, 2014. — 640 с.
13. Лексютина Я. Китай как ответственная великая держава / Я. Лексютина. — DOI 10.17994/IT.2018.16.2.53.4 // Международные процессы. — 2018. — Т. 16, № 2 (53). — С. 60–72.
14. Киссинджер Г. Годы в Белом доме. Т. 1 / Г. Киссинджер ; пер. с англ. В. Верченко. — Москва : АСТ, 2020. — 848 с.
15. Сян Х. Теплота Арктики / Х. Сян // Китай. — 2019. — № 10. — С. 46–47.
16. Стоун О. Нерассказанная история США / О. Стоун, П. Кузник ; пер. с англ. А. Оржицкого, В. Полякова. — Москва : Азбука-Аттикус, 2015. — 928 с.
17. Хаустова Н.А. Контуры стратегической нестабильности XXI века: геополитические игры на мировой шахматной доске: прогнозы до 2030 года / Н.А. Хаустова, О.Н. Глазунов. — Москва : Ленанд, 2016. — 176 с.
18. Лебедева М. Социально-гуманитарное измерение международных отношений в АТР / М. Лебедева // Международные процессы. — 2013. — Т. 11, № 1 (32). — С. 4–15.
19. Хаас Р. Мировой беспорядок / Р. Хаас ; пер. с англ. В. Желтинова. — Москва : АСТ, 2019. — 320 с.

References

1. Sulima Ye., Shepelev M. Geohistorical Approach to the Evolution of International Relations. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 49–59. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.3.
2. Thucydides. *The History of the Peloponnesian War*. Bk. 1. Available at: https://librebook.me/history_of_the_peloponnesian_war/vol1/1.
3. Herz J.H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma. *World Politics*, 1950, vol. 2, iss. 2, pp. 157–180.
4. Jervis R. Cooperation under the Security Dilemma. *World Politics*, 1978, vol. 30, no. 2, pp. 167–214.
5. Lieber K.A. *War and the Engineers: The Primacy of Politics over Technology*. Ithaca, Cornell University Press, 2005. 226 p.
6. Zinovieva E.S. Concepts of Cyberdeterrence and Digital Security Dilemma in the us Academic Literature. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 51–65. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.4
7. Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p. (Russ. ed.: Allison G. *Destined for War*. Moscow, AST Publ., 2019. 416 p.).
8. Scryabina M.S. Prospects of «Slate Revolution» and Problem of Power Industry of China. *Vestnik MGIMO-Universiteta = Vestnik MGIMO- University*, 2013, no. 1, pp. 118–124. (In Russian).
9. Mastepanov A., Tomberg I. China Forms Energy Policy for 21st Century. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 6–38. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.1.
10. Zinovieva E.S. Impact of Internet-Mpanies on World Politics. *Vestnik MGIMO-Universiteta = Vestnik MGIMO- University*, 2013, no. 1, pp. 43–47. (In Russian).
11. Huaguang H., Jianzhang L. (eds). *Chinese Dream and the World: XVIII National Congress of the CPC*. Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 2013. 427 p.
12. Kissinger H. *On China*. New York, Penguin Press, 2011. 608 p. (Russ. ed.: Kissinger H. *On China*. Moscow, AST Publ., 2014. 640 p.).
13. Leksyutina Ya. China, Great Power Responsibility, and Global Leadership. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 60–72. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.4.
14. Kissinger H. *White House Years*. Little, Brown and Company, 1979. Vol. 1. 1751 p. (Russ. ed.: Kissinger H. *White House Years*. Moscow, AST Publ., 2020. Vol. 1. 848 p.).
15. Xiang H. Arctic Warmth. *Kitai = China Pictorial*, 2019, no. 10, pp. 46–47. (In Russian).
16. Stone's O., Kuznick P. *The Untold History of the United States*. New York, Gallery Books, 2012. 1400 p. (Russ. ed.: Stone's O., Kuznick P. *The Untold History of the United States*. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2015. 928 p.).

17. Khaustova N.A., Glazunov O.N. *The Contours of Strategic Instability of the XXI Century: Geopolitical Games on the World's Chessboard: Forecasts up to 2030*. Moscow, Lenand Publ., 2016. 176 p.
18. Lebedeva M.M. Social and Humanitarian Dimensions of ir in Asia-Pacific. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 4–15. (In Russian).
19. Haass R. *A World in Disarray*. London, Penguin Publishing Group, 2017. 350 p. (Russ. ed.: Haass R. *World in Disarray*. Moscow, AST Publ., 2019. 320 p.).

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ShalakAV@bgu.ru.

作者信息

Alexandr V. Shalak — 教授, 教研室主任, 国际关系与关务系历史学博士, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克市, 俄罗斯联邦, 邮箱: ShalakAV@bgu.ru.

Author

Alexandr V. Shalak — D.Sc. in History, Professor, Head of Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ShalakAV@bgu.ru.

Для цитирования

Шалак А.В. Американско-китайское противостояние с позиций «ловушки Фукидида» / А.В. Шалак. — DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(2).110-118 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 110–118.

For Citation

Shalak A.V. American-Chinese Confrontation from the Perspective of Thucydides Trap. *Rossiis-ko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 110–118. DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(2).110-118. (In Russian).